

Ольга ШИРЯЕВА, ученица 7 «Б» класса МОУ СОШ №3 г. Нерехты.
Руководитель: О.В. Ленина, учитель русского языка и литературы

**Всероссийская программа сохранения и развития
историко-культурного наследия. Конкурс «Моя малая родина»**

«ОДНА ИЗ МНОГИХ...»

...Поздняя в этом году зима. Тихо кружась, опускаются на землю снежинки. И я не спеша возвращаюсь после уроков домой. Вот так же, может быть, падал снег и сто лет назад, когда шла из женской прогимназии этой улочкой юная Лиза Дьяконова. «Милая Нерехта! Твой воздух действует на меня благотворно. Я оживляюсь при одном твоём виде», — напишет она в своем дневнике, который будет вести с 11 лет («...если жизнь мне поставит veto, то пусть останется этот дневник...»).

Почему я вдруг о ней вспомнила? Вероятно потому, что увидела наш краеведческий музей, в котором сейчас располагается экспозиция с романтическим названием «Одна из многих...» Я не раз бывала здесь (с мамой, с одноклассниками...), но...рука помимо воли открывает тяжелую дверь с витиеватой ручкой, шум города тает за спиной, постепенно удаляясь. Вбегаю по ступенькам... «Здравствуй, Лиза!» — мысленно произношу я, обращаясь к портрету, который встречает меня сразу у порога. Мне кажется, он удался. Собраны и уложены вокруг чуть склоненной головы льняные волосы, форменное платье... Ну почему, почему ты считала себя некрасивой? Или все девочки в 11 лет очень придирчивы к своей внешности? Мне, семикласснице XXI века, хочется говорить с тобой, И, я верю, наш диалог состоится: я буду задавать тебе вопросы и ждать ответов из твоего туманного далека, а ответы эти придут ко мне строками твоего дневника, размещенными вдоль всей экспозиции. И я буду вновь и вновь проживать с тобой твою короткую, но такую яркую, насыщенную событиями жизнь. «Чем больше вспоминаешь, точно уходишь вглубь старого сада: везде попадаются забытые старые тропинки, внезапно встают дорогие, давно, давно исчезнувшие лица».

Вот портрет твоего отца во фраке. Щеголь, пользовавшийся успехом у дам, владевший английским языком, а по-французски объяснявшийся в любви матери. Он единственный в Костромском уезде окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. Благодаря ему семья богатели и процветала. А рядом молодая, прелестная женщина с тоненькой, хрупкой фигурой, а с характером твердым, резким, властным.

«В нашем купеческом быту все счастье, все благополучие жизни построено на деньгах...»

Так было всегда: деньги — сытость, деньги — счастье, деньги — успех... И как же понять матери, что ее старшая дочь (маленькая, беленькая девочка) мечтает о большем: «Моя цель жизни — послужить народному прогрессу, по одной из неотложных его частей — народному образованию...» А все: устои, порядки, законы — против нее: «В Нерехте не принято давать дочерям какое-либо образование, кроме "домашнего" и гимназии с правом домашней учительницы». «Средняя масса людей провинции, городов, так называемый интеллигентный круг, не теряют ли они время?». Нет, Лиза не намерена терять отпущенные ей судьбой годы: «Моя цель — Высшие женские курсы в Петербурге»...

Читаю вновь и вновь строки дневника Лизы, которые ведут меня по экспозиции музея, и снова возвращаюсь глазами к портрету матери. Под ним установлен граммофон. Служительница музея (в виде исключения) ставит пластинку, и сквозь шипение пробивается старая, давно забытая мелодия, навеявая грусть... А все могло быть иначе, если бы мама поняла свою дочь. Да, на долю изящной женщины тоже выпало немало испытаний. Лизе исполнилось 12 лет, когда после болезни умер отец.

Мать, забрав детей, уезжает к ярославской родне. «Мальчиков надо выучить, девочек удачно выдать замуж. А эта строптивница собралась на курсы! Да кто же потом женится на Вале? Хоть бы о судьбе сестры подумала!» — возможно, так рассуждала мать, не давая согласия Лизе на продолжение учебы (а тогда оно требовалось девушкам, не достигшим возраста 21 года) и лишая за непослушание наследства не только ее, но и других дочерей. Серебряная медаль!! Аттестат!! ...В проповеди к окончившим курс гимназии отец Клавдий увещевал: «Воспитанницы, куда вы разойдетесь, в какие стороны раскинет вас судьба? Будете ли вы богатыми невестами производить фурор в ваших захолустьях, будете ли вы просто жить дома, т. е. ничего не делать, или бегать по грошовым урокам? Может быть, будете сельскими учительницами и сгинете без вести в дальних селах, или замуж выйдете и на базар будете ходить с корзинкой в руке и грязно одетой прислугой позади? Во всех случаях судьба ваша скверная...».

Она решилась изменить судьбу женщины в России, но в домашних не нашла понимания, даже любимая бабушка (вот ее портрет справа) говорила: «Бог с тобой, Лиза, выйдешь замуж, ну, зачем тебе эти курсы, ведь говорят, все курсистки курят». Около портрета бабушки оформлен уголок, изображающий пасхальный стол в доме Дьяконовых: самовар, варенье, кулич, всегда свежие баранки. «...Была тихая пасхальная ночь. В большом доме Дьяконовых в угловой комнате мерцал огонек лампы, озаряя ее уютную обстановку, стол, мягкое кресло, а в кресле старушку. Это и есть бабушка».

Вздыхая про себя: «Как это трудно — бороться с близкими, родными людьми». И как трудно быть в любом деле первым. Она дойдет до министра образования и добьется...

«Я — на курсах... Моя цель жизни — передо мной...». Кажется, даже дышится свободнее и крылья вырастают за спиной. Теперь у нее две родины: Нерехта и Петербург — духовная родина. За время учебы Лиза побывает во многих городах России. Фотографии в следующей витрине — свидетельство тому. Нижний Новгород, Москва, Казань, Ярославль, Кострома, Ростов... «Я возвратилась из Нижнего с выставки. Видела всю нашу Русь-матушку... Бесконечны равнины моей родины, столицы и города... Москва! В ней человек незаметно исчезает

в общей массе. Только входя в Кремль, проникаешься благоговением...

В Ярославле невозможно описать всю красоту Волги...

Кострома с берега — точно русская купчиха расплзлась в ширину. Самое замечательное в ней — Ипатьевский монастырь...

В Ростове церкви отличаются богатым убранством, здесь я без счета ездила в церковь...». И во всех поездках сопровождает Лизу портрет Л. Н. Толстого (он тоже сохранился, а на полях пасапарту по-французски девичьим бисерным почерком идут размышления о жизни, о Боге...) После поездки в Казань она напишет своему духовному наставнику: «Лев Николаевич! Пришлось ехать к голодающим в Казанскую губернию. Защемило сердце: 300 лет прошло с времен взятия Казани, а уровень культурного развития покоренного народа — тот же. Необходимо просвещение».

«Еще в детстве я, зачитываясь Житиями Святых, мечтала о подвигах, о монастырях... мечтала образовать женский университет в России...». «Я на курсах... начала ясно осознавать могущество науки. Все проходит, наука же единственное относительно вечное, которое существует на этой земле..., но человек никогда не должен забывать, что он сотворен по образу и подобию Божию...». «Сперва я решила поехать в деревню, заниматься физическим трудом, заниматься с крестьянскими ребятами, так жить до весны, потом — за границу, проникнуть на юридическое поприще. Надо быть застрельщиком». А женщин — юристов на тот момент в России не было. «Отчего не предложить женщине новый путь?.. В Париж! В Сорбонну!..».

Парижу и Лондону посвящены в музее два витража. Могу подолгу стоять около них, уносясь мыслью вслед за строками Лизиного дневника. Ощущаю масштаб этих городов и, кажется, даже слышу шум улиц...

«Париж, 1 декабря 1900 г. Моя комнатка — самая дешевая в нашем маленьком пансионе... Холод в Париже зимой сильнее, чем у нас в России, потому что нет снега — под ногами холодный камень, в доме тоже холодно...». «Вакации провела в Лондоне. Если Петербург мал по сравнению с Парижем, то Париж покажется невелик в сравнении с Лондоном. Лондон, город громадный, город — чудовище, раздавил, уничтожил меня. Бесконечные улицы, дома, шум экипажей...».

А вот фотография Лизы той поры в русском сарафане и кокошнике. Так она одевалась за границей, ведь «это наше русское, родное».

Следующий витраж — изображение роскошного тирольского водопада Луиза и притягивает, и отталкивает меня. Притягивает красотой гор, которые так любила Лиза, отталкивает — неотвратимостью трагичной развязки, «декабрьская ночь 1900 года... Мы на пороге Нового Века, во всех уголках земного шара ждут его...». «Я тороплюсь уехать из Парижа. С нетерпением жду, скоро ли буду в маленьком немецком городке...».

«Еду в Тироль... Я давно полюбила горы, от них веет спокойной, неподвижной, охранной силой... Они скрывают новые, еще неведомые места...». В Тироле она должна была встретиться с ярославской тетушкой и сестрой, подлечиться в пансионате...

Шел дождь, ужасная погода, но она все равно ушла гулять в горы и не вернулась...

Через два дня пастух нашел ее тело и аккуратно сложенные на берегу вещи... «А далеко в России с колоколен семи церквей не́сся торжественный благовест...».

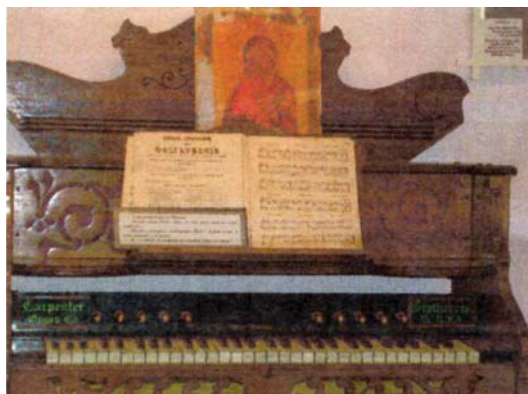
Все вещи Лизы убрались в дорожный кофр... Кусочек булыжной мостовой, коляска с притороченным сзади кофром, дамский зонтик — яркие экспонаты «Музея

русской женщины», «одной из многих», как она себя называла. Что же еще? Окидываю окружающие предметы взглядом... Книжный шкаф. В нем собраны произведения авторов, которых предпочитала Лиза, и семейный альбом, с моим любимым портретом, где струятся по плечам льняные волосы Лизы, а взор погружен внутрь. Вот фисгармония, а над ней — портреты потомков рода Дьяконовых.

«Я не хотела бы умереть, не оставив следа на земле!». Мечта Лизы сбылась, есть ее продолжение на земле. Тот след, о котором она грезилась и не предполагала, каким он будет. А среди потомков Дьяконовых много людей так же, как и она, послуживших отечеству и оставивших в истории свои имена. Это и актриса Малого театра Александра Александровна Дьяконова-Щепкина, и актриса Государственного Камерного драматического театра Надежда Валентиновна Катрановская, и доктор технических наук, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, академик Международной академии информации Георгий Борисович Евгеньев...

25 декабря.

В нашем Доме творчества юных сегодня бал-маскарад. Спешу туда. Вот уже и ворота, и сам дом, бледно-розовый, с колонна-

ми и мемориальной табличкой, гласящей о том, что некогда этим домом владели Дьяконовы. Да-да, именно здесь и прошло детство Лизы.

«По происхождению я — чистая купчиха, ярославская, ростовская, нерехтская. Мы жили в маленьком уездном городке. Ах, как все жили! Большой старый дом был точно муравейник, сверху донизу полон народа. Все жили по-старинному под одной крышей».

«С наступлением лета начинается опять моя обычная "тоска по родине", меня тянет домой, в Нерехту... родной уголок! Здесь каждое окошко в доме, кустик все близко сердцу. Бегу в старый запущенный сад, воюсь с ягодами, целый день на жаре, возвращаюсь с корзиной вишен... Закроешь глаза и кажется, будто я опять в коротеньком платьице бегаю по этим дорожкам и вот-вот позовет меня бабушка».

И по крутой лестнице, по которой сейчас иду я, избегала она в свою светелку. Или у окна, подперев голову рукой, сидела, подолгу вглядываясь вдаль. С какой щемящей тоской будет вспоминать она эти минуты, живя за границей. Ее влечет, тянет на родину, и из любого «красивого далека» она возвращается сюда. «Я в Нерехте! Опять на родине, дышу ее воздухом... Ах, какие чудесные здесь вечера! Я долго гуляю в саду, смотрю на небо, шелестит ветер, кузнечики стрекочут в кустах, становится темно... Я у окна своей комнаты. Внизу раскинулся темной массой город. На большой равнине, где-то в средней полосе России, меж зеленых лугов затерялся городишко Нерехта, люди настроили себе крошечных домиков, живут в них, спят спокойно...».

И будущего своего она не мыслила без Нерехты. «Здесь я чувствую себя куда лучше... Видеть кругом себя обновляющую природу — это такая радость, которая никогда надоесть не может».

6 января.

Иду по направлению к Крестовоздвиженской церкви и вспоминаю: «Мои мысли летят к родине...» — писала Лиза. Через три границы она спешила домой в канун Рождества...

Она вернулась, чтобы навсегда стать частью нерехтской земли... Куст сирени, белый мрамор с серебряной лилией на кресте — скромная могила близ храма, долгие годы неухоженная, но, к счастью, не поте-

рянная, а даже (благодаря поддержке меценатов) восстановленная в первоначальном виде. Родственники Дьяконовых разъехались, поэтому чаще могилу посещают работники музея, сердобольные прихожане да теперь еще школьники.

Смахну варежкой налетевший снежок. Постою и услышу звенящую тишину... «Что есть жизнь?» — спрашивала Лиза и сама себе отвечала: «Творчество!». Вероятно, так. Ведь именно творчество, воплощенное в слове, способно протягивать ниточку сквозь века. Такой «ариадниной нитью» в лабиринтах времени стал для меня «дневник русской женщины» Елизаветы Дьяконовой, три части которого вышли в свет в 1904 году благодаря брату Лизы, Александру Александровичу Дьяконову (любимому брату Шурке, ставшему актером двух театров). Он перевел его и на английский, немецкий, французский языки. То было время расцвета политической «весны». Такой же бурный период культурного и общественного обновления переживает Россия, на мой взгляд, и сейчас. А свидетельство тому — повторное издание дневника Лизы.

«Люблю подолгу вглядываться в изображение... Воображение переносит в прошлое — воссоздает его, и люди становятся, как живые. Так лучше понимаешь историю, десятки лекций не стоят одного старинного документа, старинных гравюр... Главное что? — уметь понять, перевоплотиться в этих исчезнувших людей, и тогда эта прошлая жизнь станет понятной..., почему они жили, думали, действовали так, а не иначе...».

Лиза... Смогла ли я хоть чуточку приблизиться к тебе, дотянуться до тебя сквозь века своей мыслью, словом, взглядом?

Тишина и покой в музейных залах — смятение в моей душе. Но это ничего, жизнь все расставит по своим местам.

А если вы еще не были в единственном в своем роде музее русской женщины «Нерехта. Одна из многих», приходите.

Увидите — полюбите, а полюбите — поверите!

Работа выполнена по материалам экспозиции музея русской женщины «Нерехта. Одна из многих» при сотрудничестве с научным работником музея Никишиной Ниной Гавриловной.

Фото интерьеров экспозиции